
КУЛЬТУРОЛОГИЯDOI: [10.17805/ggz.2018.5.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.5.5)**Массовая культура в современном обществе:
молодежный аспект***В. А. Луков**Московский гуманитарный университет*

В статье молодежный аспект массовой культуры выводится из представления о ней как закономерного этапа общественного развития. В силу этого ее неверно связывать только с характеристиками индустриального общества. В современном обществе (информационном, сетевом, цифровом и т. д.) изменения в массовой культуре хорошо видны при выделении ее молодежного аспекта: естественные свойства молодежи в условиях широкого распространения новых коммуникативных технологий во многом определяют специфику массовой культуры начала XXI в., поскольку молодежь выступает одним из наиболее активных ее носителей.

Ключевые слова: массовая культура; молодежь; «дикость» молодежи; «инновационность» молодежи; субъектная культурология

**Mass Culture in Modern Society:
The Youth Aspect***V. A. Lukov**Moscow University for the Humanities*

In the article, the youth aspect of mass culture is derived from the notion of it as a natural stage of social development. Therefore, it is wrong to connect it only with the characteristics of the industrial society. In modern society (the information, network, digital societies, etc.), changes in mass culture are clearly visible if we emphasize its youth aspect: the natural features of young people living in the conditions of the widespread use of new communication technologies largely determine the specifics of mass culture of the early 21st century, because the youth is one of its most active bearers.

Keywords: mass culture; youth; youth's "savagery"; youth's "innovation"; subjective culturology

ВВЕДЕНИЕ

В культурологии, особенно западной, во второй половине XX в. утвердилось представление, что массовая культура в качестве своего носителя имеет «человека массы», отсюда ее «одномерность» и способность к манипулятивности в очень широких масштабах. В 1970-е гг. ее больше всего рассматривали в качестве порождения индустриального общества, а потому к ее анализу подходила классовая трактовка его как общества, выражающего присущие ему тенденции в сфере общественного сознания, искусства, массовой культуры, принятые образные «картины мира» (Костина, 2014; Костина, Кожаринова, 2015). Но на исходе 20-е гг. XXI в. многие страны далеко ушли от индустриальной фазы выстраивания общественных отношений, а о закате массовой культуры не идет речи, она все реже связывается с кризисом культуры и рассматривается как необходимый элемент современного общества.

Если исходить из того, что появление массовой культуры обусловлено всем общественным развитием, а не только этапом индустриального общества, и, следовательно, из того, что она составляет естественный и необходимый признак общества современного, как бы его ни называть — постиндустриальным, информационным, сетевым, цифровым или каким-то другим, но непременно с подчеркиванием того, что и общество стремительно меняется, и человек уже не тот, что был даже в XX в. не только по получившим широкое распространение и признание культурным картинам мира, но и по некоторым биологическим чертам. В общем, если исходить из такого взгляда на массовую культуру, то ее связь с новыми поколениями окажется значимой, более того — неизбежной, а еще и перспективной, т. е. показывающей, какие черты массовой культуры в будущем получат развитие, а какие отомрут и останутся только в истории переходного времени. Для культурной составляющей национальной безопасности такой прогноз приобретает свойства основы управленческих решений, становится ядром социокультурного проектирования в макро- и микромасштабах социальной жизни.

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНОГО АСПЕКТА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Массовая культура восприняла основные характеристики индустриального общества, она обладает товарными свойствами, тесно связана с механизмами рекламы и связей с общественностью, так что пока существует рыночная экономика, пока доминирует массовое сознание, будет существовать и массовая культура. Залог этого — воспроизводство массы в современном обществе, уже ушедшего от индустриального, прежде всего в части единства символических средств, поддерживаемых СМИ, инструментами искусства,

литературы, телевидения, Интернета и т. д. Здесь, конечно, много манипуляций, незаметного для зрителя и читателя настраивания его восприятий, оценок, установок, предпочтений, интересов на сферу бизнеса и его доходов (Полуэхтова, 2018). Но много и того, что связью с бизнесом не объяснить.

Что же это за необъяснимые черты и свойства?

Они при определенном ракурсе более всего видны как характерные для молодежи. По поводу того, как определять данное понятие (а именно молодежь), сломано немало копий, что более всего касается возрастных границ молодежи. Но если на нее смотреть не как на строгое понятие, а как на концепт, т. е. совмещение понятийной логики с эмоциональной оценкой явления, придавая этому единству скорее ценностное значение, то несовпадение многих деталей становится неважным. И в самом деле, в ценностном смысле все равно, относим ли мы к молодежи только тех, кому не исполнилось 25 лет, или тех, кому пока нет 30-ти или 35-ти, тех, кто старше 14-ти или 16-ти и т. д. Любой представитель данной культуры выделит молодежь по ему ведомым признакам, они могут не совпадать с признаками, на которые в своей оценке молодежи будет опираться представитель другой культуры. Третий и вовсе решит, что после обряда инициации ребенок становится взрослым без какой-то промежуточной стадии. Но в ценностном плане все они отличат детей от молодежи и молодежь от тех, кого считают зрелыми, от старшего поколения. Это отличие определяется не числом лет, а прежде всего тем, насколько освоена и присвоена людьми социальная субъектность — способность активно преобразовать окружающий мир (что в этом аспекте считается социальной нормой). Эти люди в данной культуре имеют социальный статус молодых и сами знают, что они молодые, т. е. по самоидентификации являются молодыми. Дети еще не оторвались от мира взрослых, в своих взглядах и действиях слишком от них зависят. Взрослым нет нужды доказывать кому-то свои возможности жить в этом мире, приспосабливаясь к нему и переделывая его, если надо. Молодежь же составляет тот социальный слой, где отрыв от старших поколений в смысле полной зависимости от них уже произошел, идет поиск себя (а в групповом аспекте — социальной субъектности). Соответственно, в этом слое распространяются обновленные тезаурусы — ориентационные ментальные комплексы и база для новых идей (Луков В., Луков Вл., 2008, 2013), а их символический и предметный мир отличается от того, который они застали при рождении и воспринимали в годы первичной социализации — в раннем детстве. Хотя отличается не во всем, многое сохраняется, но структуры тезаурусов уже не те, что были распространены и стали привычными раньше. Речь, конечно, идет о принятой в обществе норме, исключения

бывают (психиатрические, например), но не они определяют привычные практики определения возраста).

В итоге и в возрасте — числе прожитых лет — есть опоры для выделения молодежи, но с учетом следующего:

1. Фаза молодости имеет принципиальную координацию с определенным возрастом в пределах установившихся в обществе представлений о молодости. Группообразование молодежи — исторически преходящее явление социокультурного характера.

2. Фаза молодости неравномерно распределена в социальных группах. В обществе сосуществуют разные модели молодежи, предопределенные этими социальными ограничениями. Есть социальные группы, в которых слой молодежи ничтожен в статусно-ролевом смысле.

3. Связь понятия «молодежь» с определенной возрастной группой может быть с большим или меньшим успехом зафиксирована только в обществе с достаточно высокой степенью однородности жизненных траекторий. Но даже и в таком случае это лишь обобщение, которое игнорирует возможность траекторий, в которых фаза молодости предельно сокращена или пропускается в ее социальном (а не биопсихическом) содержании.

4. Динамизм протекания молодости в различных социальных средах не совпадает, процессы идут с разной скоростью, ритмической организацией, конфигурацией. Параллельно существуют ситуации с замедленной и ускоренной динамикой взросления, и это обстоятельство отражается на группообразовании молодежи.

5. В переходном обществе группообразование молодежи неустойчиво, потому нет определенности в том, что является молодежной проблемой. Молодежная проблема (как отражение специфического — корпоративного — интереса молодежи) легко преобразуется в общесоциальную проблему (Луков, 2018а: 10–11).

ЕСТЕСТВЕННЫЕ СВОЙСТВА МОЛОДЕЖИ

Эти обстоятельства важны для выработки решений в области национальной безопасности. И важно не только то, что меняется общество, потому и понятия недавнего прошлого, среди них и массовая культура, требуют обновления и других контекстов применения. Важно и то, что меняется и носитель общества, что можно увидеть более всего и ярче всего на изменениях молодежи.

На фоне картин мира с цифровой экономикой, «умным» бытом и т. д. развитие получают естественные свойства молодежи, которые мы обозначаем как «дикость» и «инновационность» (Луков, 2013: 210–214). Что это за свойства?

«Дикость» молодежи — в аспекте культуры следует рассматривать не так, как это принято в этнологии, и не в соответствии с повседневностью разных эпох, когда она была для многих характеристикой антиценности, т. е. отражала брюзжание старших по поводу «не той» молодежи, известное по крайней мере со времен Сократа. «Дикость» в избранном аспекте надо понимать как естественное воспроизводство природных свойств человека, не подвергшихся обработке культурой. Мы с «дикостью» в молодежной среде в этом аспекте связываем те социальные практики, в которых особо ярко, в сравнении с другими поколениями, проявляются:

- культ тела и экспериментирование с телом;
- образование банд как форм «коллективного прорыва»;
- иерархия по схеме вождизма: действие символической власти / подчинения;
- агрессивность как способ энергетической компенсации недостающих для взаимодействия ресурсов (Луков, 2018b: Электронный ресурс).

«Инновационность» как способность создавать новое, включая и новые картины мира, — особый признак молодости и молодежи как социальной группы, объединяющей (в смысле номинативной, а иногда и реальной связи) людей молодого возраста: для молодежи нет возможности опереться на собственный жизненный опыт, которого еще недостаточно, и на коллективный опыт народа (культуру), который ею еще не освоен. Это естественный путь к инновации. Мы связываем со свойством «инновационности» в молодежной среде:

- ум;
- свободу от условностей как наследия старших поколений;
- креативность;
- жажду сильных ощущений и интерес к приключениям (экстрим);
- приоритет сетевых отношений над иерархическими (там же).

Знаковый характер этих свойств в конечном итоге определяет символический капитал молодежи. Они хорошо соединяются с понимаемой в культурном аспекте «дикостью»: если «инновационность» молодежи несет в себе энергетический выброс в будущее, содержит потенцию освобождения от рода, то «дикость» означает ее (молодежи) генетическую связь с биологическим родом, с природным и социокультурным прошлым. Потому и некоторые социальные практики молодежи так естественно входят в современное институционализированное общество, хотя, конечно, в превращенных и более «цивилизованных» формах. Таков, например, «моббинг» (Duffy, Sperry, 2012).

Это может быть и обратный процесс, выражающий протестные настроения молодых: присущая молодежи энергия там, где управление обществом ос-

новывается на иерархии властных органов, может ослабляться новыми поколениями и перетекать в сети, где есть свои иерархии, но не те, которые характеризуют социальную устойчивость в обществе. Здесь, кстати, раскрываются противоречия массовой культуры, которая может снимать культурную (и социальную) разобщенность людей, а может и разжигать протестные настроения.

Характерные для гражданского общества способы его поддержания в динамическом равновесии с государственными властными структурами через практическую реализацию социальных и культурных проектов, включая и те, что связаны с массовой культурой, следует скорректировать с учетом возрастающей значимости биологического фактора. Это не возврат в первобытное общество, неотрывное от популяционного ареала, границы которого предопределены природными условиями обитания. Это осмысление перспектив человека, когда не только среда его обитания претерпевает качественные изменения, но и сама природа человека не остается неизменной.

В молодежной среде в наибольшей мере накапливается готовность к экспериментам в области телесности (некоторые подобны знакам тела в первобытном обществе — надрезы, «тоннели» и т. д., некоторые отражают взгляд на смену природы человека в новых концепциях, подобных постгуманизму, и связаны со сменой пола, вживлением чипов в тело и т. п.), а также развития интеллектуальных и психических сверхспособностей. Можно предположить, что по мере реализации такого рода готовности в действиях, которые охватывают критическую массу молодежи, возникают условия для существенной трансформации картин мира и в целом знаниевых систем ориентации в окружающей действительности (тезаурусов).

Сегодня все более актуальной становится биосоциологическая трактовка возникающих в обществе социальных и культурных проблем. В трансчеловеке (существе, готовящемся стать постчеловеком), а затем и в постчеловеке приверженцы трансгуманизма как теории, которая все больше стремится стать массовым мировым движением, усматривают прогресс человечества в новых условиях, когда природных сил для его развития уже недостаточно. Идеал постчеловека таков: «В качестве постчеловека вы будете обладать умственными и физическими возможностями, далеко превосходящими возможности любого немодифицированного человека. Вы будете умнее, чем любой человек-гений, и будете обладать намного более совершенной памятью. Ваше тело не будет подвержено заболеваниям, и оно не будет разрушаться с возрастом, что обеспечит вам неограниченную молодость и энергию. Вы сможете получить гораздо большие способности испытывать эмоции, удовольствие и любовь или восхищаться красотой. Вам не придется испытывать усталость или скуку и раздражаться по мелочам» (Бостром и др., 2011: Электронный

ресурс). В итоге «постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни» (там же). Здесь правда, есть бросающееся с первых строк противоречие: сказано, что качествами постчеловека «вы будете обладать...». Но из всего вытекает то, что это будут не свойства читающего «вдохновенные» строки, ибо постчеловек (*posthuman*), как следует из данной концепции, — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком.

Впрочем, в постчеловеке вряд ли стоит видеть лишь тот образ, который предложен трансгуманизмом, — образ, кого-то пугающий, кого-то успокаивающий, кого-то вдохновляющий. На фоне людей, живших миллион лет назад, современный человек — это постчеловек. Идея менять пол или вживлять чипы в мозг и т. д. лишь внешне что-то меняет: человек и в этом случае остается созданием природы. Именно поэтому и будущее молодежи предсказуемо передаваемыми и лишь видоизменяемыми картинами мира. В этом ключе освоенные массовой культурой жанры — боевики, детективы, «мыльные оперы» и т. д. — сохраняют удивительную константность формы, хотя все обильнее льется кровь, все ужаснее преступления, все больше похищаются дети, все чаще обнаруживаются по анализу ДНК неверные супруги. В набор признанного в современном обществе входит рэп в его разновидностях, хотя его возникновение еще несколько десятилетий назад не принималось. Подобно этому классикой массовой культуры стали русский авангард 1920-х гг., песни «Битлз», брейк-данс и многое другое. Новое качество общественной жизни, привносимое информационными технологиями и научными достижениями, не высвобождает человека, молодого в том числе, из сферы принятого в повседневности его времени.

Одновременно остается открытым вопрос, насколько будущее общество, достигнув нового качества благодаря информационным технологиям, станет более справедливым, насколько социальные трансформации выразят ожидания лучшей жизни не для кучки сверхлюдей, о появлении которых как новых хозяев мира говорил А. А. Зиновьев (Зиновьев, 2003: 190), а для большинства, в опоре на которое только и возможны проявления активизма меньшинства. Предстоящие социальные и культурные трансформации, нахо-

дящие питательную почву в «дикости» и «инновационности» молодежи, и составляют проблему, вырастающую перед системой социального управления и проектирования.

Сами свойства «дикости» и «инновационности», а также их соединение не остаются неизменными в меняющемся обществе. Дикость + инновационность дают в обществе с развитой цифровой экономикой, с новыми средствами межличностных коммуникаций и новыми способами самопрезентации неожиданные эффекты. Среди них — распространение вне государственных границ селфи, заснятых на видео смешных эпизодов, мистификаций, игровых выдумок. Некоторые ранее применявшиеся способы воссоздания комичных ситуаций совершенно потеряли исходное назначение и получили массовое хождение именно как нелепость реальных событий, заснятых на камеры смартфонов, планшетов и т. д. людьми без какой-то профессиональной подготовки только с целью посмеяться над этой нелепостью, причем толпой (конечно, виртуальной), которая чем больше, тем лучше, о чем в популярных социальных сетях можно судить по числу «лайков», иногда многомиллионному и не имеющему никакой другой характеристики, кроме «понравилось». (Надо, конечно, учитывать что в обществе, построенном на рыночной экономике, «лайки» имеют цену и приносят прибыль.)

Таковы «гэги». Во времена Шекспира английское “gag” означало соревнование персонажей театрального спектакля в остроумии. В немом кино начала XX в. — это нелепость, которая должна была рассмешить зрителя комедии, вроде кидания тортами друг в друга в светском салоне. Это прием раннего кинематографа, заранее написанный сценаристом, подготовленный, поставленный, позже — нередко с довольно сложной структурой по мере развития кино и обретения им звука, например, у А. Хичкока в его фильме 1935 г. «39 шагов» (Carroll, 1996). Нынешние смешные эпизоды в социальных сетях вывешиваются на всеобщее обозрение без всякой оглядки на гэги, по любому поводу: невеста оступилась во время брачной церемонии, кошка напала на собаку, у пловца унесло волной плавки... Число нелепых событий огромно, когда любой может их заснять и разместить в Интернете на всеобщую забаву.

Чаще всего это делают молодые люди. Но обращает на себя внимание и то, что в той же манере, с ожиданием тех же последствий (рост числа «лайков») заснимаются реальные эпизоды с издевательствами учащихся над сверстниками и учителями, массовыми драками, надругательством над животными, глумлением над бомжами, сцены самоубийств (реальные или сыгранные), мучения раненых и т. д. Здесь видна обратная сторона «дикости» + «инновационности», которая к тому зверству, которое наблюдалось и в Ан-

тичности, и в века Возрождения, прибавляет новые возможности информирования всего мира о любом частном факте.

Но в то же время нельзя не видеть, что на каждом историческом этапе природные свойства молодежи имеют разные очертания, разный смысл и разные возможности выражения. Они, в частности, изменяются под действием тенденций глобализма, массовизации производства, роста потребительской активности в «благополучных» странах, но они же ставят барьеры этим тенденциям.

СУБЪЕКТНОСТЬ СВОБОДЫ ВЫБОРА

Еще одна сторона проявления молодежью своих естественных свойств в конце XX — начале XXI в. стала особо заметной и потребовала принятия новых решений социокультурного характера. Надо учесть, что человек — субъект выбора решений, его касающихся, что особенно важно в период молодости, когда и происходит становление субъектности человека. Социокультурная ориентация людей, социальных групп, организаций определяет несходство картин мира, ценностно-нормативных представлений и соответствующего реального поведения — и рутинного, и предполагающего эксперимент, инновацию, трансформацию. Можно говорить, что период молодости сопрягается у человека с особо активным поиском и даже провоцированием ситуаций выбора: это время жизненного самоопределения, надежд, проб и ошибок.

Заметим, что противоречивая природа свободы выбора более всего видна в типичных действиях в молодежной среде. Даже если мы предположим абстрактную возможность не регулируемой никем извне свободы такого выбора, мы вынуждены будем признать, что сам этот выбор означает *присоединение* к кому-то или чему-то, что содержит в себе огромный потенциал несвободы. Таков свободный выбор реер-group (группы сверстников), субкультурной общности и т. п., где подчинение лидеру, авторитаризм, подавление инакомыслия могут быть значительно больше выражены, чем в гражданском обществе в целом. Принудительный характер имеют, среди прочего, символы и знаки, а также и значительная часть предметного мира — все то вещное и символическое, что приобретает молодой человек, выбирая то или иное сообщество. Это особенно видно в феноменах молодежных субкультур XX в., где вещи, знаки на теле, даже еда приобретали демонстративное назначение для «своих» и «чужих».

Сложности становления личности в аспекте освоения социальной субъектности испытывает каждый молодой человек, хотя, конечно, такие сложности по своему содержанию существенно различаются для выходцев из семей,

принадлежащих к разным социальным классам и в силу этого связанным с разным образом жизни, уровнем материального благосостояния, культурного и духовного развития.

Эти сложности следует связывать со многими обстоятельствами, но также и с биосоциальными изменениями в новых поколениях, которым до сих пор не придается того значения, какое они заслуживают.

БИОСОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

О биосоциальных изменениях в подрастающих поколениях XXI в. свидетельствует многое. Некоторые изменения лежат на поверхности. Так, существенные изменения произошли в области мелкой моторики, которая раньше формировалась в основном в физическом труде и писании ручкой (авторучкой, шариковой, гелевой), а сейчас повсеместно вытесняется работой со смартфонами, которые строятся на совсем другом использовании пальцев рук: надо удерживать одной рукой аппарат и ею же набирать текст. Для наборных функций гораздо важнее большой палец ведущей руки (правой или левой), и он в подрастающем поколении подготовлен к быстрому набору текстов, чего не было у поколений, не знавших новые информационные технологии.

Такие изменения затрагивают весь биологический организм и в определенной мере формируют новую организацию индивидуальных и групповых контактов, поэтому их надо считать биосоциальными. К этому вопросу все больше внимания, особенно в контексте национальной безопасности (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017).

Но перспективы здесь не вполне ясны, в научную сферу проникают гипотезы, подобные той, что появилось целое поколение детей-индиго. На нее стоит обратить внимание, поскольку от первой книги о детях-индиго — а это книга 1982 г. экстрасенса и парапсихолога Нэнси Энн Тэпп (1931–2012), обозначившей так детей якобы обладающих аурой цвета индиго (Тарре, 2009), — прошло 36 лет, т. е. дети, давшие автору повод для выдвижения «гипотезы», уже перешли верхнюю возрастную границу молодости и должны были бы быть сегодня «молодежью-индиго» или «взрослыми-индиго».

Эффект «синей ауры» был якобы замечен Н. Э. Тэпп еще в 1970-е гг. в связи с тем, что она вместе со своими студентами занялась изучением цвета в приложении к человеческой личности, исходя из того, что осознание своего цвета и цвета других поможет человеку лучше ориентироваться в окружающей среде и строить свои контакты. Концепция детей-индиго приобрела хождение после публикации серии книг в конце 1990-х гг., особенно после публикации работы супругов Ли Кэрролла и Джен Тоубер «Дети индиго: новые

дети прибыли» (Carroll, Tober, 1999) и выпуску нескольких фильмов в следующем десятилетии, где носителям новых свойств приписываются особая забота о старших, невероятный ум, интуиция, непоколебимая воля, целеустремленность, духовность, что нередко не воспринимается окружающими, потому в школе у них проблемы и с учителями, и с соучениками. В общем, по Л. Кэрроллу и Дж. Тоубер, новая раса людей.

Совершенно не принимается в расчет, что одаренные дети, а такие есть в каждом поколении, могут сочетать наличие развитого интеллекта и отставание в физическом развитии от сверстников, выраженный нравственный и духовный потенциал и незрелость эмоциональной сферы и т. д. Сложная проблема ранних проявлений одаренности превращается, таким образом, в проблему цвета ауры. Высказано также предположение, что социальное проектирование детей-индиго является ответом на кризис американского детства в виде усиления насилия среди молодежи и диагнозов расстройств дефицита внимания и синдрома дефицита внимания с гиперактивностью: родители подписывают своих детей как «индиго», чтобы дать альтернативное объяснение неправильному поведению своих детей (Whedon, 2009).

По логике жизни, состоящей в прибавлении лет, какие бы социальные траектории ни рассматривать, «дети-индиго» повзрослели и привнесли с собой новые черты в молодежную среду. Но ничто об этом не свидетельствует. Более того, «дикость» и «инновационность» молодежи все менее понятна и менее приемлема для взрослых. Один из признаков этого — нарастание группы «кидалтов» — взрослых, идентифицирующих себя с детьми. Обычная для традиционного общества идентификация предстает как бы в перевернутом виде.

Кидалты в аспекте носителей массовой культуры обращают на себя внимание тем, что обретение социальной субъектности, на которой эта культура строится, для них не является ценностью, соответственно, не является ценностью молодость в ее поисках смысла жизни, открытия себя и мира. На когнитивной уровне характерные для молодежи черты скорее тяготят их, и в культурных формах они стремятся проскочить этот этап жизни как обременительный, чему способствует максимально долгая задержка в детстве. Конечно, это не то же детство, что в XVIII в., оно заполнено новыми информационными технологиями, компьютерными играми и другими новациями, контент которых составляют совсем иные картины мира, которые бы дети времен Руссо и не поняли бы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В такой конгломерате социализационных траекторий, одни из которых воспроизводятся по моделям самых давних времен, другие как бы вывернуты наоборот, и новые поколения создают источники социализационных воздействий, а старшие поколения следуют за младшими (постфигурационная культура, по М. Мид), третьи как бы хромают на обе ноги, не решаясь выбрать между привычным и неизведанным и убегая от нового общества в детство, где все решат за них «взрослые» — в этом конгломерате отразился переходный период, в котором живет мир. Его биологические волны длиннее биосоциальных, потому и соединение их противоречиво, а резонанс первых и вторых может быть революционным для общества или катастрофичным. В культуре может отразиться и то и другое. А в условиях, когда основной становится массовая культура, это непереносимые признаки ее функционирования.

В силу того, что социальную субъектность приобретает молодежь, причем активно, а часто в ситуации экспансии, в массовой культуре ее влияние неизбежно. Но «дикость» и «иновационность» — свойства молодежи, а не свойства самой культуры. Другое дело, что значение символа, мифа, архетипа в массовой культуре, определяемое ее повсеместным включением в управление современным обществом, имеет «избирательное сродство» как раз с теми свойствами молодежи, которые выдвинулись на передний план в последнее время. Потому освоение молодежью массовой культуры — совсем не только феномен культурной жизни, но и важный способ включения в современное общество со всеми его прорывами в новое и потрясениями былых идеалов и повседневных привычных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бостром, Н. и др. (2011) FAQ по трансгуманизму / версия от 13 мая 1999 г., пер. Д. Медведева от 3 августа 2002 г. [Электронный ресурс] // Российское трансгуманистическое движение. 6 января. URL: <http://transhuman.ru/faq> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org)] (дата обращения: 20.09.2018).

Зиновьев, А. А. (2003) Русская трагедия: гибель утопии. М. : ЭКСМО ; Алгоритм. 508 с.

Костина, А. В. (2014) Массовая культура: особенности реализации социального потенциала в формирующемся информационном обществе // Высшее образование для XXI века: XI Междунар. науч. конференция. Москва, 27–28 ноября 2014 г. : Доклады и материалы. Круглый стол «Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: Специфика проявления в информационном обществе» / отв. ред. А. В. Костина М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 99 с. С. 44–57.

Костина, А. В., Кожаринова, А. Р. (2015) Конструктивный социальный потенциал массовой культуры: специфика проявления в информационном обществе. М. : ЛЕНАНД ; УРСС. 244 с.

Луков, В. А. (2013) Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания : науч. монография. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 430 с.

Луков, В. А. (2018a) Тезаурусная социология : в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 3. 608 с.

Луков, В. А. (2018b) Молодеющее общество: эскиз тезаурусной концепции [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. № 1. С. 3–26. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/699> (дата обращения: 20.09.2018). DOI: [10.17805/ggz.2018.1.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.1.1)

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Полуэхтова, И. А. (2018) Телевидение и его аудитория в эпоху интернета. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 223 с.

Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017) Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл. 375 с.

Carroll, L. A., Tober, J. (1999) The indigo children: The new kids have arrived. Carlsbad, CA : Hay House. xviii, 249 p.

Carroll, N. (1996) Theorizing the moving image. Cambridge : Cambridge University Press. xix, 426 p.

Duffy, M., Sperry, L. (2012) Mobbing: Causes, consequences, and solutions. Oxford ; N. Y. : Oxford Scholarship Online. xviii, 305 p.

Tappe, N. A. (2009) Understanding your life through color: Concepts in color and the aura. 2nd edn. Addison, TX : Aquila Libris Publishing Company. xix, 281 p.

Whedon, S. W. (2009) The wisdom of indigo children: An emphatic restatement of the value of American children // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions. Vol. 12. No. 3. P. 60–76. DOI: [10.1525/nr.2009.12.3.60](https://doi.org/10.1525/nr.2009.12.3.60)

Дата поступления: 19.09.2018 г.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Center for Social Design and Thesaurus Conceptions, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member, International Academy of Science (IAS, Innsbruck, Austria). Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru

Для цитирования:

Луков В. А. Массовая культура в современном обществе: молодежный аспект [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 5. С. 53–66. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/857> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2018.5.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2018.5.5)